К дзену на шпильках. Как создать новую жизнь и дело мечты с нуля

Автор:
Елизавета Бабанова

К дзену на шпильках. Как создать новую жизнь и дело мечты с нуля

Елизавета Бабанова

Инстаблог

Елизавета Бабанова – психолог, писатель, жена предпринимателя, автор 24 научных публикаций и 15 образовательных программ для женщин. С 2012 года ее блог помогает сотням тысяч людей раскрыть свои таланты, найти любимое дело и построить счастливые отношения.

Если вы ищете себя, свое дело, своего мужчину – вливайтесь в сообщество современных женщин, где вы найдете поддержку в достижении ваших самых дерзких целей.

«Дважды я начинала с нуля.

Сначала в 15 лет, когда из маленького города одна уехала учиться в США, окрыленная американской мечтой.

Второй раз, когда взобравшись по карьерной лестнице, получив деньги и статус, я полностью разочаровалась в своей жизни. Тогда я бросила все и отправилась на поиски себя настоящей.

К чему привели эти поиски – в этой книге».

Елизавета Бабанова

К дзену на шпильках: как создать новую жизнь и дело мечты с нуля

© Елизавета Бабанова, текст, 2018

© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2019

Пролог

Два часа ночи. Дикий заповедник Корковадо, юг Коста-Рики, побережье Тихого океана. Проливной дождь.

На мне огромный рюкзак, в котором промокло все. Я чувствую, как капли дождя катятся по животу и бедрам. На ступнях 28 мозолей, каждый новый шаг – пронзающая боль. Я не ела с полудня, и еды больше нет. Мы уже давно должны быть на месте, где нас ждут ночлег и горячий ужин, но несколько часов назад начался шторм.

Я дико устала, у меня все болит, я хочу есть и спать, но я делаю еще один шаг и… моя нога внезапно проваливается, я оказываюсь по пояс в воде.

От страха я кричу:

– АААААА.

Откуда здесь столько воды? Ведь всего пять дней назад мы проходили это место без проблем. Я смотрю на размытый диск полной луны и понимаю – прилив. Прилив образовал ручей между озером и океаном, и теперь, чтобы пройти это место, нам надо идти вброд. Смотрю на бойфренда и спрашиваю:

– Что делать?

– Еще один шаг, – говорит он и берет меня за руку. – Если остановимся, застрянем здесь на всю ночь.

Мы вместе делаем шаг, и вода с уровня пояса поднимается до солнечного сплетения.

– Мы сейчас утонем! – кричу я.

– Я проверю, – говорит он и делает несколько шагов вперед. Я почти ничего не вижу, луна затянута тучами, из которых дождь хлещет мне в лицо. Он протягивает мне руку и говорит:

– Идем, дальше мельче.

Мы проходим несколько метров и оказываемся на суше. Перед нами еще одна река. Мы еле-еле видим ее, зато хорошо слышим. Очень быстрое течение, очевидно, что пересекать ее опасно, может затянуть в океан. А там – бешеные волны.

– Что будем делать?

– Ждать, пока шторм закончится и начнется отлив.

–Аааааааааааааа, – кричу я снова, теперь со всей злости. – Факфакфакфакфакфак! – Я знаю, что меня никто, кроме него, не услышит.

– Ну почему, почему мы не рассчитали время? Почему не учли прилив?

Он игнорирует мои вопли и спокойно говорит:

– Давай поднимемся на скалу и найдем дерево, там будет безопаснее.

Я ненавижу этот момент, и мне кажется, я ненавижу его за то, что он заставил меня идти в этот поход. Мы поднимаемся и садимся под огромной пальмой, но даже ее огромные листья не могут защитить нас от ливня.

Я всхлипываю:

– Это самое ужасное путешествие. Это худший день и худшая ночь в моей жизни. Хуже быть не может!

И в этот момент я слышу зловещий рев дикого зверя.

Правило жизни №0.

Никогда не думай, что хуже быть не может.

Привет! Меня зовут Елизавета. Или Лиза. Близкие ласково называют меня Лизонька, родные – Лизаветка. А вот в США как только меня не звали. Элизабет, Иви, Ли?са, Лиззи, Вета, Бэта, Бэс. Начальница в хедж-фонде называла меня по первой букве моего имени – «И». Казалось бы, должно быть «Е», но нет – «И».

Для каждой истории, которую я собираюсь вам рассказать, подходит свое имя. Вот, например, история о том, как я подростком подожгла рясу священника во время свадьбы сестры. Хорошо, что случайно и церковной свечкой. Это Лиззи. А вот история о том, как я впервые надела роликовые коньки и, до того, как научилась тормозить, полетела под автобус. Этот опыт меня ничему не научил. Когда я встала на горные лыжи, первым делом забралась на вершину. В тот день вместе с лыжами я освоила и полное сальто – лицом в сугроб. Эту героиню, которой понадобилась эвакуация, пожалуй, можно было бы назвать Лизец.

Зачем же вам мои истории? И для кого эта книга?

Сейчас, когда она выдержала уже несколько переизданий и тысячи женщин прислали письма с отзывами о том, как книга изменила их жизнь, я точно знаю – эти истории не оставят вас равнодушными. Во многих из них вы узнаете себя – женщину, которая пытается найти свой путь, свое любимое дело и свою любовь. И, конечно, в этих попытках она совершает все мыслимые и немыслимые ошибки. И с каждым болезненным уроком жизни, с каждой победой или поражением она обретает крупицу мудрости.

Эта книга о том, как я, закомплексованная провинциальная девочка, которую многие считали серой мышкой, набралась храбрости и в 15 лет поехала за своей

первой мечтой. И, конечно, ничего не пошло гладко. Были периоды полного отчаяния, безденежья, предательств и боли. Но вместе с тем были и победы. И моя большая надежда, что, узнав количество сокрушительных провалов, которые я пережила за 20 лет становления, вы получите мощный прилив уверенности в себе. И к вам придет осознание: «Ну, если эта женщина смогла сделать что-то со своей жизнью, то и я точно смогу».

Еще эта книга про приключения. Однажды я оказалась на границе с Колумбией и чуть не стала жертвой наркоторговцев, для которых второй по прибыльности бизнес – туристы-заложники. Я объехала Исландию, облазила пирамиды Мексики, а спустя 15 лет встретила там современного «Дона Хуана», словно вышедшего из книг Карлоса Кастанеды.

Ну и, конечно, эта книга про одержимость саморазвитием. Я танцевала на всех тренингах Тони Роббинса, освоила стойку на голове, фэн-шуй, рейки и танцы дервишей. Я молилась в синагогах, мечетях и христианских церквях пяти разных конфессий. Учила каббалу и веды, тестировала юбки на предмет привлечения мужского внимания и финансового изобилия. Я прочитала более 1000 книг о том, как стать лучше. И на основе всего этого богатого жизненного опыта я записала свои правила жизни. А то, что особенно помогло мне, превратила в полезные практики. Скоро всем этим я поделюсь с вами.

И, конечно, как все нормальные женщины, генетически запрограммированные на уютные формы, я всю жизнь худею. Я испробовала на себе все: и веганство, и сыроедение, и детокс из лимона, кайенского перца и кленового сиропа. И даже 21-дневную Панчакарму в Индии, где из меня вытрясли все токсины и, по-моему, чуточку души.

В поисках себя и смысла жизни я много рисковала. Летала на всем, на чем можно подняться вверх, – гидросамолете, параплане, «Сессне». Восходила на пики гор, неделями ночевала в палатках и лазила по горам в полной экипировке скалолаза, хотя ненавидела сам процесс.

Отдельная история про мои попытки создать отношения. Я надеялась, терпела, шла на компромиссы, боролась за внимание, изменяла, мне изменяли. Ради того, чтобы производить впечатление на мужчин, я научилась танцевать свинг и латино, играть на гитаре, быстро плавать и великолепно готовить. Меня даже занесло на тантрический тренинг, где я с ходу подняла кундалини.

О’кей, Лиза, я рада, что у тебя была интересная жизнь, но как это связано со мной? – спросите вы. Понимаю, вы занятая женщина. У вас мало времени и точно есть куда его направить. Но представьте, что я – ваша сумасшедшая подруга, которая проделала кучу экспериментов и теперь искренне делится с вами своим опытом, чтобы вам не нужно было так издеваться над собой. Чтобы сэкономить вам время, силы и деньги.

Последние 20 лет жизни я изменяла содержимое своей головы. Не считая четырех высших образований, только из любви к этой теме изучала нейрофизиологию, педагогику и психологию, отучала себя от плохих привычек и воспитывала хорошие через любовь к себе, а не за счет силы воли. И не на неделю-две, а насовсем. Я вложила десятки тысяч долларов в программы по бизнесу, в личных тренеров и коучей, в астрологов и холистическую медицину.

Да, я немного странная. И перепробовала в своей жизни кучу странных вещей. Возможно, ради того, чтобы вам не пришлось этого делать. Много лет я делилась своими открытиями и тем, что сработало для меня. Иногда, когда меня об этом не просили. Но чем заметнее преобразовывалась моя жизнь, тем чаще ко мне обращались с вопросами:

– Как измениться без насилия над собой?

– Как найти свое предназначение?

– Как найти любимое дело и хорошо на нем зарабатывать?

– Как встретить идеального мужчину?

– Как создать классное окружение?

Спустя какое-то время ко мне стали прислушиваться. Те, кто внедрял мои жизненные стратегии, тоже начинали получать результаты. Стройнели и хорошели, создавали счастливые отношения, обретали любимые профессии и увеличивали доходы в разы, иногда в десятки раз.

Так что позвольте смело сказать вам: эта книга может реально изменить вашу жизнь. Если вы будете не только читать про мою судьбу, но и писать свою вместе со мной.

Я протягиваю вам свою руку и готова держать ее до тех пор, пока вы не скажете: «Я сделала это! Я создала жизнь своей мечты!»

И когда вы напишете мне об этом на моем сайте или в социальных сетях, вот тогда я отпущу вашу руку и скажу: «Лети, моя дорогая сестра по духу. Лети к своим новым достижениям, а я буду парить где-то рядом и восхищаться тем, как ты преобразила себя и свою жизнь».

Часть 1

Рождение Достигатора

1.1

Made in Ivanovo[1 - Сделано в Иванове.]

Неважно, откуда ты пришла.

Важно, куда ты идешь.

Элла Фицджеральд

Летом 1975 года, в возрасте 25 лет, моя мама в третий раз стала командиром студенческого строительного отряда. Мама не была строителем, она работала в университете, но ее предпринимательская жилка и зарплата в 40 рублей не

оставляли ей другого выхода, как каждое лето ехать на заработки.

Студенческий строительный отряд состоял из 40 молодых студентов. Мама вдохновила их на то, чтобы быстро и качественно построить объект. К концу лета они заняли первое место в общероссийском соревновании. Награда за победу была ошеломляющей: поездка в Соединенные Штаты Америки.
В холодной войне между Америкой и СССР началось потепление,
и коммунистическая партия направила делегацию комсомольцев в США.

Это был первый выезд мамы за границу, что было чрезвычайно необычно и даже опасно. Она миновала более дружественные социалистические государства Восточной Европы, куда выпускали более охотно и где контраст между социализмом и капитализмом был не настолько шокирующим, и в своей первой заграничной поездке попала в сердце демократии.

Мама с делегацией побывала в Нью-Йорке, Бостоне, Вашингтоне и Вермонте, где их принимали настороженно, но все же доброжелательно. А вот когда они оказались в кампусе либерального колледжа Милдберри, который стал первым в истории США вузом, открывшим свои двери для афроамериканцев и женщин, их группу закидали помидорами.

На встрече со студентами им задавали жесткие вопросы о советском строе. Но это не мешало нашей делегации получать впечатления. Они жили как в пятизвездочных отелях, так и в обычных американских семьях. Там мама впервые почувствовала к себе теплое отношение и поняла, что американцы по своей сути не сильно отличаются от русских.

Она посетила конгресс США, Белый дом, Empire State Building[2 - Эмпайр-стейт-билдинг.] и побывала на олимпийском горнолыжном объекте.

Больше всего маму поразили две вещи:

1) Постройка небоскреба на пересечении двух больших улиц в Нью-Йорке с большим потоком движения машин. Удивила чистота и порядок вокруг, строителей было практически не видно. Это был ценный урок управления, который мама практиковала 40 лет со своими студентами.

2) Компьютеризация университетов.

Она увидела большой контраст между нашими странами. Ей казалось, что в СССР она была больше защищена, имея хорошее бесплатное образование, медицину, квартиру, но Америка… она рождала простор мысли.

Когда мама вернулась домой, впечатления от увиденного в США преследовали ее несколько месяцев. Чистота на улицах и западная архитектура, изобилие еды и вещей, роскошь великолепных отелей и вкус возможностей, которые ей открылись в США, привели ее к мысли, что ее ребенок должен увидеть страну, настолько отличающуюся от родины.

Спустя годы мама посетит ФРГ, Югославию, Чехословакию, Польшу и всю Прибалтику, но именно ее первое впечатление о США оставило в ней самый глубокий след. Именно в США она впервые «замечтала» о новой жизни.

Так начинается моя история. История, которая появилась задолго до моего рождения.

Практика №1. Принять Мечту

Что первично – человек или цель? Человек, который реализует цель, или цель, которая реализуется через человека?

Ответ вроде бы очевиден: нет человека, нет и мечты. А что, если это не так? А что, если мечта уже есть, задолго до того, как рождается малыш вместе со своими эгоистическими желаниями и нуждами? Что, если мечта присматривается к каждой из нас в поисках своего места?

Когда малыш взрослеет, мечта приходит к нему и шепчет: «Может быть, это ты? Может быть, ты возьмешь меня, и я буду твоей?» И смотрит на наш внутренний отклик. Да или нет.

Если мы решаемся принять ее, то становимся партнерами. Мечта питает нас, дает нам энергию, подбадривает. Она становится нашим костылем, когда у нас что-то ломается – самооценка или вера, и кажется, что все пропало. Мечта тестирует нас, создает барьеры, проверяет на прочность нашу силу. Достойны ли мы ее? Достаточно ли смелы? Готовы ли мы ради нее меняться и расти?

Мечта требовательна. Она тяжело переживает моменты нашей внутренней слабости. И сокрушается, если не относимся к ней серьезно, воспринимаем как короткий подростковый роман. Поэтому она снова и снова тестирует наше намерение: «Ты точно хочешь именно Меня?» Если мы не готовы войти с ней в самые серьезные отношения, если кокетничаем с другими мечтами или слишком часто сомневаемся – она может бросить нас и уйти.

Тогда мы вздыхаем и говорим: «Это была ложная мечта».

Может быть, и так. А может быть, мы просто не удержали ее. Она почувствовала предательство и стала искать себе другое прибежище.

Что, если не Гагарин мечтал оказаться в открытом космосе, а Мечта хотела вывести человечество на новую орбиту познания. И нашла для этого молодого, отчаянного, амбициозного летчика?

Что, если не Рахманинов был великим композитором, а хотела Мечта создать новый вектор в музыке? Мечта увидела, что у Рахманинова есть талант, а родители воспитывают в нем трудолюбие. И Мечта пришла к нему вместе с желанием и способностью сочинять шедевры и дала ему силы для упорной работы.

Что, если сейчас где-то рядом с вами живет Мечта. Она присматривается к вам, а вы присматриваетесь к ней. И вы думаете: «Моя ли это мечта или не моя?»

Запишите сейчас свою главную мечту :

Скоро вы отправитесь на свидание с вашей мечтой. Но сначала я расскажу вам, как моя мечта нашла меня.

1.2

Рождение силы духа

Я училась в одной из лучших школ города. Школа была расположена в центре, а мы жили в самом живописном районе, но на окраине. Большинство моих одноклассников добирались до школы либо пешком, либо с родителями на машине.

У нас не было машины, и я ездила в школу на автобусе. Сначала я ждала его на остановке по 30–40 минут, а потом еще 45 минут ехала до конечной. Все школьные годы я мерзла по дороге в школу и домой, и тех холодов мне хватило на всю жизнь. Это одна из главных причин, почему зимовать я предпочитаю в теплом климате.

Моя учительница начальных классов была профессионалом, но, к сожалению, без тонкой душевной организации. Когда я в третий раз за месяц опоздала на первый урок из-за сбоя работы автобусов, она посмотрела на меня и сказала: «Дети, давайте пустим шапку и соберем деньги Бабановой на будильник. А то она постоянно опаздывает».

Да, я помню это дословно.

Людмила Петровна всегда умела задеть так сильно, чтобы мы не повторяли свои ошибки. До этого я никогда не чувствовала себя материально ущербной, но эти ее слова ранили очень глубоко. Ведь в 7 лет ты еще не понимаешь: то, что ты думаешь о себе и что твоя семья думает о тебе, куда важнее, чем то, что о тебе думают окружающие люди.

Следующие несколько недель я жила в ожидании очередного «удара» от Людмилы Петровны. Когда я видела ее каждое утро – внутри все сжималось, а когда она смотрела на меня или вызывала к доске, я испытывала такой панический страх, что мне хотелось сбежать подальше из класса и даже из школы. Иногда я мечтала о настоящем побеге.

Но бросить учебу я не могла. Тогда я интуитивно понимала, что единственный способ больше никогда не быть униженной – заслужить уважение. А кто имеет уважение? Успешные люди. Я пообещала себе – как только вырасту, перестану быть зависимой от расписания автобусов. Я решила, что заработаю не на один автомобиль. Мне было 7 лет, и до покупки первого автомобиля было далеко, а публичного позора больше не хотелось. Поэтому я начала вставать еще на полчаса раньше и приходить в школу первой. Я не высыпалась, но отсутствие насмешек было для меня дороже.

Спустя несколько недель после того, как я перестала опаздывать, ударил сильный мороз. Я посмотрела на градусник – было -30 градусов, но я собралась и как обычно вышла из дома. Была сильная метель, и мой автобус не пришел.

После получасового ожидания я увидела, что многие люди перестают ждать транспорт. Кто-то отправился пешком в город, кто-то возвращался домой. Снег шел и шел, ветер создавал вертикальные вихри, которые доходили до десяти метров. В то утро больше всего мне хотелось оказаться в нашей уютной квартире, забраться в теплую постель и проспать до полудня. Но боль от унижений все еще была свежа, и мне ничего не оставалось делать, как пойти в школу пешком. Я шла около двух часов. За это время мимо меня проехали несколько машин и ни одного автобуса. Я понимала, что опоздаю, и приготовилась к публичному позору. Когда я наконец вошла в школу, вся мокрая и уставшая, я увидела, что там пусто. В нашем классе никого, кроме меня, не было.

Людмила Петровна встретила меня с улыбкой, заварила чай и пошла звонить маме, чтобы она забрала меня домой. Занятия в школе в тот день отменили.

Когда мама приехала, мы вместе с Людмилой Петровной встретили ее у дверей. Учительница приобняла меня за плечи и с улыбкой сказала: «А ваша дочь-то – Лиза Ломоносова». Впервые в ее шутке не было издевки. Учительница взяла меня за руку, посмотрела на маму и сказала: «С таким характером у нее все получится».

В этот день родилась моя сила духа. А заодно изменились мои отношения с Людмилой Петровной. С тех пор она не сказала мне ни одного ядовитого слова. Наоборот, моя первая учительница стала моим главным болельщиком. Она курировала меня все оставшиеся годы, пока я училась в этой школе.

Практика №2. Использовать боль для роста

Есть ли у вас история, когда вас пытались унизить?

Каждый раз, когда жизнь делает такой вызов, мы получаем дозу негативной энергии. Ее можно использовать как энергию для роста, а можно как энергию саморазрушения. Что выбрали вы?

Если этот эпизод или эпизоды еще не стали толчком для вашего роста, то перенаправьте эту энергию в вызов, начиная с сегодняшнего дня. Ваш успех – лучший ответ тем, кто когда-то обесценивал или унижал вас.

Так какие шаги вам нужно сделать, чтобы направить эту энергию в нужное русло?

Какие чувства вы испытаете, если сделаете это?

1.3

Меняем доллары

В детстве, когда мама давала мне пару рублей, она часто шутила: «На тебе рубль, и ни в чем себе не отказывай».

А когда давала много (10 или 20 рублей) по случаю премии, она говорила: «На тебе деньги, но их не трать».

Это выработало у меня неплохие финансовые убеждения. С одной стороны – я ни в чем себе не отказывала, с другой – не была склонна к расточительству. Большие купюры я складывала, а затем покупала маме достойный подарок на праздник.

Почти каждое лето мы с мамой ездили на отдых. Так как мама работала в вузе, больших денег у нас не было, но в течение года отложить на поездку было святым делом.

Обычно мама доставала одну 21-дневную путевку (Геленджик, Сочи, Крым были нашими любимыми местами), покупала нам билеты в одну сторону, а уже на месте договаривалась об условиях пребывания. Иногда путевку нам делили на две части, и тогда мы размещались в санатории на 10 дней. Иногда мама доплачивала за меня, и нам ставили раскладушку в номер на все дни. А если совсем везло – размещали в двухместном номере.

Благодаря маминому гениальному финансовому планированию нам всегда хватало денег. Но – тютелька в тютельку. Условия жилья всегда были довольно скромными, но зато на рынке мы отрывались: каждый год мама преследовала цель напитать меня солнцем и морем, накормить абрикосами и персиками, а самой наесться розовыми помидорами, обильно поливая их свежим подсолнечным маслом и приправляя сладким ялтинским луком. Такое меню получалось бюджетным, особенно если это совмещалось с питанием в санатории. Но так как это все-таки был отдых, каждые два-три дня мама устраивала нам праздник. Иногда мы ездили на экскурсии по местным достопримечательностям, таким как «Ласточкино гнездо». Иногда посещали концерт гастролирующей московской звезды. А иногда просто шли в самое лучшее кафе и заказывали кофе, десерт и мороженое.

Но как бы ответственно мы ни подходили к расходам, в последний день средства неминуемо заканчивались. И тогда мама произносила сакраментальную фразу, которую я каждый год ждала с замиранием сердца: «Меняем доллары».

Я знала, что их было немного и они – наш неприкосновенный запас. Поэтому я старалась либо не доводить до этого, либо оттянуть эту страшную необходимость. Ведь обмен валюты означал, что мы потратили все, что мама копила целый год.

Мне было 13 лет, когда мы вернулись из прекрасного путешествия в Крым. Мы прибыли в Москву с утра на поезде, перед выходом позавтракав последними крымскими помидорами и отбивными, которые мама всегда готовила нам в дорогу (мясные блины, как называл их мой троюродный брат). Впереди у нас был целый день, чтобы погулять по столице, прежде чем сесть на ночной поезд

в Иваново. Мы прогулялись по Красной площади, зашли в Оружейную палату, а затем отправились пешком до Нового Арбата. Там я увидела заветный значок «М».

При виде Макдоналдса у меня выделились слюнки и в животе заурчало так, как будто последний раз я ела два дня назад. На самом деле это был маркетинговый ход. В те годы для советского подростка не было ничего заветнее чизбургера с картофелем фри и большим количеством кетчупа. Я деликатно посмотрела в сторону «М» и мягко спросила маму:

– Может, пообедаем в Макдоналдсе?

Мама на секунду задумалась, открыла кошелек, посмотрела в него. У меня сжалось сердце от мысли, что у нас закончились деньги и кушать нам придется теперь только в Иванове.

– Хорошо, – неожиданно отреагировала мама. – Тогда нам нужен обменник валюты. Меняем доллары.

В эту поездку мама не отказала мне ни в одной просьбе, как будто предчувствовала своим материнским сердцем, что уже через два года я улечу в США и все ее отложенные доллары пойдут не на радости путешествий, а мне на учебу.

Мамину любовь и заботу я чувствовала всегда, но в тот момент она буквально пронзила меня до слез. Я почувствовала, что маме для меня ничего, абсолютно ничего не жалко. Что она готова поменять заветные доллары, чтобы накормить меня в Макдоналдсе. На меня нахлынуло огромное чувство трепетной благодарности, и я воскликнула: «Мамочка, когда я получу образование и устроюсь на работу, я отведу тебя в самый-самый лучший ресторан. И отвезу тебя в самое-самое лучшее путешествие».

Практика №3. Добродетель

Есть три типа людей, в отношении которых очень важно совершать добрые дела. Когда мы им помогаем, в нашу жизнь приходит изобилие.

1-й тип: Люди, которые очень много сделали для нас. Примеры:

– Родители: дали жизнь.

– Учителя: дали знания.

– Другие люди, которые в большой мере положительно повлияли на нашу судьбу.

2-й тип: Люди, которые много помогают другим людям. Примеры:

– Учителя, у которых большое количество учеников.

– Основатели благотворительных фондов.

– Врачи.

3-й тип: Люди, которые находятся в большой нужде, помощь которым помогает им выжить. Примеры:

– Тяжелобольные.

– Бездомные.

Когда мы начинаем делать что-то хорошее для других, меняется наше ощущение самоценности. Кроме того что мы меняемся внутри, меняется и наша реальность – в нее приходит больше изобилия и реализации.

Очень сложно начинать благотворительность для чужих людей. Поэтому я рекомендую начать со своих родных.

Отведите своих родителей, если они живы, в самый лучший ресторан или, если вы живете в разных городах, закажите для них столик и заранее оплатите ужин кредиткой. Если вы можете позволить себе больше, отправьте их на лечение в хороший санаторий или профинансируйте увлекательное путешествие.

Мой финансовый рост начался, когда я выполнила обещание, которое дала маме, – отвела ее в самый лучший ресторан.

С тех пор я показала ей много стран. Франция, Гавайи, Индия, Исландия и круиз по Карибскому морю – наши самые яркие путешествия. В Майами мама уже приезжает как на собственную дачу.

Каждый раз, когда мы оказываемся в новом роскошном ресторане, мама вспоминает Арбат, Макдоналдс и поднимает бокал за выполненное мной обещание.

А я каждый раз вспоминаю чувства той девочки, которая очень хотела сделать маму счастливой. И каждый раз я благодарю ее за смелость дать обещание, ведь это мотивировало девочку развиваться. А судьбу я благодарю за возможность пережить одно из главных человеческих чувств – радость от того, что мама получила все, о чем она мечтала. Это дорогого стоит.

1.4

Я поеду в США

Когда мне было 13 лет, я впервые увидела место, где сбываются все мечты. Диснейленд. Контраст между затертыми угрюмыми пятиэтажками моего провинциального города, серым небом межсезонья и ярким торжественным королевством под голубым небом был настолько разителен, что я решила: да, Диснейленд – это то место, куда мне непременно нужно попасть. Но где я, район «Сортировка», город Иваново и где Калифорния?

Алиментов папы хватало мне на проездной, а на мамину зарплату проректора вуза в начале девяностых можно было купить билет разве что до Калининграда.

С самого детства во мне боролись две противоположности. Одна считала, что я гораздо хуже, чем мои сверстники, и находила этому подтверждение. Одноклассников привозят в школу на машине, а я езжу на автобусе. Папы подруг – большие начальники, а у меня папы вообще нет. На обед у кого-то

сервелат и сникерс, а у меня – сыр и овсяное печенье. Бабушка с дедушкой у меня не чиновники, а простые работяги с частным домом, которые носят воду с колонки и квасят капусту в бочках.

Другая часть меня была убеждена, что я – особенная. Может быть потому, что я часто слышала слова бабушки: «У Лизы 7 талантов, и она поцелована Богом».

Я хорошо училась, играла на фортепиано и неплохо пела. И если в школе я часто чувствовала невидимую стену между собой и всеми остальными, то в своей большой родне я была предметом обожания.

С детства мама внушала мне мысль, что я – умница и у меня все получится. Мы жили по ее установке: если чего-то очень хочется, нужно не мечтать, а «замечтать».

Я послушалась маму и «замечтала»: попасть в Диснейленд. И поскорее.

В 14 лет я узнала, что некоторые мои одноклассники, которым было уже 15 лет, участвуют в конкурсе на поездку в США. Вот он – билет в сказку: чтобы попасть в Диснейленд, нужно выиграть конкурс. Мечта подмигнула мне: you can do it[3 - Ты можешь это.]. Может быть, я и смогу, но на одно призовое место приходилось всего-то около тысячи подростков.

Я пошла сдавать документы на конкурс и вдруг обнаружила жесткое ограничение по возрасту: до конкурса допускались только те, кому уже было 15 лет и кому еще не исполнилось 16. «Приходите в следующем году», – сказали мне кураторы программы.

В течение 8 месяцев я с завистью наблюдала, как пятнадцатилетние школьники со всей округи готовятся к экзаменам по английскому языку, пишут эссе, ходят на собеседования. Как они идут к «моей» мечте. Конкурс состоял из 5 этапов, и на каждом этапе отсеивали половину претендентов. Меня завораживала мысль о том, что кто-то из них полетит туда, в загадочную параллельную реальность. Двое ребят, с которыми я дружила, победили. Двое из тысячи.

Один полетел в штат Канзас, другой в Иллинойс. «Далековато от Диснейленда, – думала я. – Но не так далеко, как от Иванова».

Как же тягостно было ждать целый год, чтобы попробовать выиграть заветный приз, но я не теряла времени даром: учила американский сленг, читала американскую литературу, участвовала в Гаагской Модели ООН.

Когда пришел сентябрь, во всех школах объявили о начале конкурса. Настал мой шанс.

В первом туре мы сдали тесты на базовые знания английского языка. После него экзаменаторы отсеяли половину участников. Во втором туре нам устроили экзамен посерьезнее – мы писали ответы в формате эссе. После второго тура осталось всего несколько сотен кандидатов. На финишный этап приехало подкрепление из США, и нам устроили групповые и индивидуальные собеседования.

Встреча один на один длилась не более 5 минут и уже стерлась из памяти. Но зато я хорошо помню групповое собеседование, которое длилось около двух часов. Помню, потому что до сих пор ощущаю жуткий дискомфорт от того, что тогда случилось.

Представьте себе комнату, где находятся 10 подростков и 2 экзаменатора. Она пропитана острым желанием каждого из нас произвести впечатление. Мы понимаем, что от сегодняшнего дня зависит наше будущее: кто-то выиграет эту лотерею и получит путевку в новую жизнь вместе с полным финансированием на целый год, а кто-то, несмотря на страстное желание и массу усилий, проиграет. Второго шанса победить в этом конкурсе уже ни у кого не будет. Напряжение зашкаливает. Но вместо того, чтобы вести себя раскованно и улыбаться american-style[4 - В американском стиле.], я краснею и потею от ужаса и от взгляда 20 пар таких же испуганных глаз.

Мы сидим в кругу, и нам по очереди задают разные вопросы на проверку нашей психологической готовности. Я понимаю, что любое слово и жест либо приблизит меня, либо отдалит от заветной мечты. Мои щеки горят, жесты становятся резкими, дыхание еще больше учащается.

И вот интервью подходит к концу, и нам задают финальный вопрос: «Уверены ли вы, что вы выиграете этот конкурс и поедете в США?»

Первого просят ответить Артема, моего одноклассника, он сидит слева от меня. И, как хорошо воспитанный советский подросток, Тема отвечает: «Конечно, я не могу быть уверенным, но я очень хотел бы поехать». Дальше экзаменатор идет по кругу и повторяет вопрос каждому.

Все отвечают примерно то же, что и Тема. Они все делают, чтобы победить, но это не в наших руках, и решение за жюри.

Я последняя, кому задают этот вопрос. Моя кожа горит, в висках стучит, а мозг усиленно ищет подсказку: «Что говорить? Что же, что же говорить им?»

«Надо отличиться, – шепчет что-то внутри меня. – Нельзя повторять за другими. Это мой последний шанс повлиять на решение судей». Наконец интервьюер обращается ко мне и спрашивает: «Лиза, а что скажете вы? Уверены ли вы, что победите?»

Вот и звучит финальная кода. Все взгляды устремляются на меня.
Я преодолеваю все свои комплексы, как скалолаз преодолевает последние метры горы до заветной вершины, прорываясь через все свои страхи и сомнения, и уверенно отвечаю: «Да, я убеждена, что стану победителем и поеду в Соединенные Штаты Америки».

И тут я чувствую легкое помутнение. Сердце уже не просто пульсирует в висках и в голове, а стучит так неистово, что кажется, что расколет пополам мою грудную клетку. Я делаю вид, что все идет так как надо, и продолжаю уверенно улыбаться. Часть меня с низкой самооценкой в ужасе кричит внутри головы: «ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА? Как ты можешь быть в этом уверена?» А другая, с высокой самооценкой, отвечает: «Это наш ЕДИНСТВЕННЫЙ ШАНС! Если ты не поверишь в себя, кто в тебя поверит?»

Я смотрю на людей: интервьюеры одобрительно кивают, а одноклассники смотрят с презрением. В их глазах я читаю: «Откуда у тебя такое самомнение?»

Я все понимаю, и мне хочется им ответить: «Да, я знаю, что я не самая лучшая среди вас. И знаю, что вы считаете меня выскочкой. Но дело сделано».

До моих 17 лет у нас не было своего телефона, и поэтому иногда мы пользовались соседским.

Через 3 месяца я слышу звонок в дверь. Смотрю в глазок и вижу Лену, мою подругу по лестничной площадке.

– Лиза, твоя мама звонит, – говорит Лена.

Я беру ключи и бегу к ним домой, слышу в трубке мамин взволнованный голос:

– Доченька, твоя мечта сбылась! Ты победила! Ты едешь в Америку!

Что еще случилось в тот день – я не помню.

Из тысячи конкурсантов нашего города и области отобрали пять везунчиков. Я была – единственная из той группы финального собеседования.

Совпадение? Возможно. А возможно, именно эта уверенность, этот необоснованный позитивный настрой, это убеждение в собственной везучести вселили в американцев веру в меня.

Ведь объективно в той группе каждый кандидат был достоин победы. Я не была самой лучшей, но я победила.

Практика №4. Решиться

Когда я выиграла конкурс, я поняла: я умею реализовывать задуманное. Мой первый опыт воплощения заветной мечты стал для меня трамплином, с которого я стартовала в новый мир.

Спустя годы, когда я изучила сотни биографий успешных людей, я не нашла ни одной истории, в которой герой или героиня были бы на 100% уверены в победе. Но они шли к ней, несмотря на свои сомнения. Потому что РЕШИЛИ, что так будет.

А вы уже РЕШИЛИ, что точно реализуете свою мечту?

P.S. Но это еще не конец этой истории.

Вот конец:

Когда победителей распределили по семьям, кто-то полетел в Арканзас, кто-то в Северную Каролину. Как вы думаете, где оказалась я?

На западном побережье: в городке Чино, в 60 км от Лос-Анджелеса. До городка Анахайм, где расположен калифорнийский Диснейленд, было всего полчаса езды.

1.5

Отъезд

В начале августа 1996 года мы приехали на ивановский вокзал, чтобы отправиться на ночном поезде в Москву, а оттуда в Америку. В делегации моих провожающих – 20 человек родных и близких друзей. Все сверстники шутят и смеются, а в глазах старшего поколения я постоянно улавливаю тоску со сверкающими бусинками слез.

Бабуся, второй по важности человек в моей жизни, уводит меня в сторонку, чтобы благословить. Шепотом читает две семейные молитвы и запечатывает их крестом на моем теле: лоб, живот, левое плечо, правое плечо. Возможно, именно ее молитвы помогут мне преодолеть все, что ждет меня впереди.

Моя американская мечта вот-вот должна сбыться, и мысли уже там, за океаном. Но сердце сжимается от того, что я не увижу любимых людей целый год.

В тот момент я еще не знаю, что отношения с подругами и друзьями постепенно, с годами сойдут на нет. Тогда я была уверена, что Америка повлияет на нашу дружбу только положительно, мы станем еще больше дорожить друг другом.

Мы с мамой и тетей переходим в наше купе. Я вылезаю из полуоткрытого окна и в последний раз дотягиваюсь ладошками до тех, кто еще идет за поездом. Поезд набирает скорость. Слава, мой двоюродный брат, и Олег, мой друг по школе, бегут за нашим вагоном.

И в этот момент меня накрывает. Вот теперь то, что было мечтой и красивым образом в моем сознании, становится реальностью. Но почему же я, глупая, не думала об обратной стороне этой мечты? Я ЦЕЛЫЙ год не увижу людей, которых знаю с рождения. Никого, кто был рядом все мои 15 лет, больше не будет рядом.

Я утыкаюсь в мамины колени и плачу навзрыд. Слезы текут и текут, а тело содрогается от этого страшного осознания. Мама гладит меня по голове и нежно шепчет:

– Это всего лишь год, это всего лишь один год. А потом мы снова будем вместе. Год пролетит очень быстро. У тебя будет столько новых впечатлений и новых друзей, что тебе будет некогда скучать.

Сейчас я понимаю, что она шептала эти слова и для себя, и для меня. Спустя годы она признается, как разрывалось ее сердце. Она не хотела меня отпускать, но она понимала, что это мой главный шанс в жизни, и что если она меня не поддержит, она лишит меня моих крыльев. Единственное, что давало ей силы, – то, что у меня будет другое будущее, о котором она могла только мечтать.

Мы приехали на Ярославский вокзал в 5 утра, сонные пошли дожидаться открытия метро, сели в пустой вагон и поехали в отель рядом с Шереметьево. Там нас, участников программы, ожидала «ориентация» за день до полета. Мама сдала меня куратору, а сама отправилась в гостиницу.

На следующий день мы все оделись в одинаковые синие майки и почувствовали себя героями приключенческого фильма. Наивные одухотворенные подростки. Никакого страха, только восторг и предвкушение новой главы жизни.

Когда пришло время прощаться, я в последний раз в этом году обняла сначала тетю, потом маму. Она в сотый раз сказала мне, как она меня любит, и еще раз прошептала семейную молитву. Все время до этого момента мама держалась воодушевленно и подбадривала меня, но, когда я села в автобус, прильнула к окну и нашла ее среди других родителей, я увидела, что по ее щекам струятся слезы. Она деликатно вытирала их платочком, но это не помогало. Они текли и текли, как будто в ее глазах был неисчерпаемый колодец слез. В ее глазах я увидела ту же боль, что накрыла меня позавчера в поезде. Но я не могла погладить маму по голове, как позавчера погладила меня она, и сказать ей, что это всего лишь 1 год. Даже 11 месяцев. Я оторвала взгляд от нее и посмотрела на других мам: плакали все.

Они знали, что мы – маленькие герои, которые из-за отсутствия жизненного опыта даже не представляют, во что ввязались. Они знали, что мы вернемся другими, уже не на 100% их детьми. Что в нас появится что-то, что они не проживут вместе с нами.

Водитель включил двигатель, и автобус медленно начал отъезжать от платформы. Мамина улыбка прорывалась через лавину слез, но она находила в себе силы махать. Тетя поддерживала ее, и меня успокаивала мысль, что мама не одна.

В моей голове зазвучали две мелодии. Одна – триумфальная, как Симфония №5 Бетховена, воодушевленно празднующая жизнь. Другая – как Концерт №2 Рахманинова, пропитанный глубокой меланхолией и тревогой за будущее. Воодушевление и страх, оптимизм и грусть, вера в себя и сомнение.

Смогу ли я?

Вера в Бога и опасение, выбрала ли я верную развилку судьбы. Этот смешанный коктейль чувств я остро проживала следующие несколько секунд, пока автобус медленно разворачивался и отъезжал, превращая маму в крошечную фигуру, пульсирующую любовью и молитвами.

Всего один год. Всего один год. Эти слова накладывались на две мелодии в моей голове.

Часть 2

Рождение личности

2.1

Первая семья

Свой первый международный перелет я перенесла хорошо – в основном спала.

Когда мы приземлились в Международном аэропорту имени Джона Кеннеди (JFK), нас встретили местные координаторы. Мы быстро прошли таможню и отправились в пригород Нью-Йорка на огромном, ярко раскрашенном автобусе. Мы пытались разглядеть Манхэттен, но так ничего и не увидели. Нам было страшно обидно прилететь в Нью-Йорк и проехать мимо столицы мира. Через полтора часа мы оказались на кампусе университета, где нас ждала трехдневная культурная ориентация.

Четыре дня нам увлекательно рассказывали об американском образе жизни и помогали адаптироваться к новой среде.

– Если вам что-то надо, попросите, а не ждите когда вам предложат, – объясняли нам уклад американской жизни.

– Например, если вы голодны, спросите, можете ли вы сделать себе сэндвич. Иначе рискуете остаться без еды до следующего дня, когда вся семья соберется на завтрак. Если соберется. Во многих семьях каждый ест по отдельности, когда ему удобно. Никогда не стесняйтесь по этому поводу. Это в России считается неудобным просить еды или добавки, в США это норма.

Объясняли в деталях 12-годовую систему школьного образования. И каким образом нам, 16-летним, попадающим по возрасту в 10-й, в лучшем случае в 11-й класс, перескочить в 12-й и получить диплом. Разыгрывали разные потенциально конфликтные сценарии в семье и в школе и объясняли, как их

разруливать.

Отдельный день посвятили внешнему виду.

– Каждый день вам нужно будет менять одежду, – сказала куратор.

Мы были в шоке:

– Каждый божий день?!

Оказалось, что в США, если ты появилась во вчерашней одежде, люди думают, что ты дома не ночевала. Мы начали перешептываться, ведь у нас было всего-то по три комплекта приличной одежды. Нас сильно ограничили в объеме вещей, которые мы могли с собой взять.

Но нас обрадовали, что каждый получит $200 на покупку новых вещей. Сейчас это смешные деньги для годового гардероба, но тогда это казалось целым состоянием.

На следующий день девочек и мальчиков разделили, чтобы поговорить об интимном. Девочкам объяснили, где необходимо удалять волосы, чтобы не быть фриком в Америке.

– Не нужно походить на неандертальцев, – категорично заявила нам русский куратор.

Мы посмотрели на свои ноги и почувствовали себя архаичными недотепами. Вечером мы образовали кружок с целью обрести, наконец, приличный внешний вид. Мы нашли единственную бритву и передавали ее друг другу, как заветный талисман, по очереди посвящая себя в таинство американизации.

Нас научили подбирать бюстгальтер. Нам строго-настрого запретили появляться на людях без этого элемента гардероба, который для многих девочек оказался в новинку. Показали, как пользоваться дезодорантом, и рассказали про другие нюансы личной гигиены.

Все это было полезным и уберегло нас от огромного количества нелепых ситуаций, в которые мы могли бы попасть. И вот, когда мы уже вроде бы все поняли про США и завели новых друзей, пришло время расставаться. Нам предстоял еще один перелет – теперь уже по разным штатам и городам, к нашим американским семьям.

Я летела прямым рейсом из аэропорта JFK в аэропорт Лос-Анджелеса. Теперь уже абсолютно одна. Все мои новые друзья летели в свои США – кто куда, и только я вытянула поистине счастливый билет – Южная Калифорния. Смутно помню, как я, ощущая себя в параллельной реальности, прошла таможенный контроль, зеленый коридор и подошла к автоматически открывающимся дверям, за которыми стояли встречающие. Сначала я увидела табличку «Liza Babanova», и только когда подняла глаза, увидела, что ее держит симпатичная стройная дама средних лет. Она протянула мне руку и представилась: My name is Lisa, I’m your host mom[5 - Меня зовут Ли?са, я твоя приемная мама.].

Ее имя звучало так же как и мое, только вместо буквы «з» была «с». То, что мы тезки, показалось мне хорошим знаком. Плохим – то, что знакомство произошло настолько формально. Без теплых объятий или приветственного поцелуя. Когда мы вышли из здания аэропорта, я впервые почувствовала на себе особенный калифорнийский воздух. Он был жарким, влажным, обволакивающим. По сравнению с холодным воздухом аэропорта я будто вошла в парную. Я так же впервые услышала присущий исключительно Калифорнии флёр – коктейль из запахов местных растений и городской загазованности.

Ли?са бодро зашагала, я старалась не отставать.

– Как ты долетела? – спросила моя приемная мама. Хотя на маму она тянула с трудом. На ней были короткие джинсовые шорты, кеды и хлопковая майка. В те годы образ мамы у меня был совсем другой. К моему изумлению, по дороге к машине она закурила сигарету. В моей семье курение считалось распутным поведением.

– Хорошо, – ответила я.

– Устала?

– Нет, все хорошо. А где ваш дом?

– Нам ехать час-полтора на восток, в зависимости от пробок.

– Поедем на автобусе? – спросила я.

– Нет, – она рассмеялась. – Мы тут не ездим на автобусе. На моей машине поедем.

Ли?са показала мне пальцем, что машина уже буквально в двух шагах. Мы подошли к темно-синему седану, на котором я рассмотрела буквы BMW.

– Классная машина, – сказала я Ли?се.

– Спасибо! Садись на заднее сиденье, – ответила она повелительным тоном. – Тебе еще нет 16, поэтому пока посидишь сзади. У тебя ведь день рождения очень скоро, да?

– Да, – улыбнулась я и подумала: – Мой первый день рождения в Америке, как же мы будем отмечать?

– Ну, вот после этого сможешь ездить спереди.

На этом наш разговор закончился. Ли?са врубила Ace of Base и сосредоточилась на дороге.

Это была первая женщина, которую я видела за рулем, поэтому я не стала отвлекать ее своими вопросами. Постепенно я задремала, а проснулась уже когда мы прибыли в небольшой городок Чино.

Мы вышли из машины, Ли?са помогла мне вынуть из багажника мой маленький чемодан, и я осмотрелась. Было около полудня, и солнце накалило землю так, что от асфальта поднимался густой пар.

Мы стояли перед каким-то громадным зданием, утопающим в зелени. Рядом с ним был небольшой заборчик, и я рассмотрела огромный голубой бассейн.

– Вот это да, – подумала я. – Этот дом побольше, чем у Сиси и Софии из «Санта-Барбары»! – Я смотрела на него завороженно и уже предвкушала мою новую жизнь в лучшем светском обществе Калифорнии.

– Это ваш дом? – не веря в свою удачу, спросила я Ли?су.

– Да, здесь мы живем, – беспечно ответила она.

Единственное, что вызвало у меня вопрос, – большая парковка, наполовину заполненная машинами.

– А кому принадлежат все эти машины? – спросила я Ли?су на ломаном английском.

– Другим людям, которые здесь живут.

– Другим людям?

– Ну да, это квартирный комплекс, а мы живем вооон там, – она показала мне пальцем на два угловых окна на втором этаже.

– Ну ладно, – подумала я, – пусть так.

Но когда мы поднялись на второй этаж, я испытала разочарование. Это была небольшая квартира с кухней, переходящей в гостиную, и двумя спальнями. Одну из них, побольше, Ли?са назвала Master Bedroom[6 - «Комната хозяина». Главная спальня дома.], а вторая, как я поняла – моя, совсем крошечная. Когда мы зашли в нее, Ли?са сказала: «Это твоя комната» и показала мне на кровать, стоящую справа.

– А кто спит здесь? – поинтересовалась я.

– А тебе не сказали? Это твоя приемная сестра Глория. Она из Колумбии.

– У вас на этот год еще один студент по обмену? – уточнила я.

– Она жила у нас в прошлом году, – ответила Ли?са, – окончила школу и решила пойти в колледж. Она сейчас учится на первом курсе университета. Она замечательная.

Я обрадовалась тому, что у меня сразу будет подруга. Пусть из другой страны, но зато в таких же условиях, что и я.

Всю следующую неделю, до того, как пойти в школу, я знакомилась со своей американской семьей и купалась в бассейне по три раза в день. Ли?са была американкой немецкого происхождения, ей было 46 лет. Она дважды была замужем. Ее второй муж Педро – мексиканец, младше ее на 21 год, был моим приемным папой. В свои 46 лет Ли?са выглядела замечательно. У нее было короткое каре и подтянутая, стройная фигура. Ли?са работала в ресторане официанткой, а Педро – водителем такси. Когда Педро приходил с работы, Ли?са мило чмокала его в губы, а каждый вечер гладила ему белоснежную рубашку. На этом внешнее проявление их чувств заканчивалось.

У Ли?сы было два ребенка – дочь Кристи на два года меня старше, и 20-летний сын Джон. Дочь училась в 11-м классе школы «Дон Луго», в которую определили меня. А сын служил в армии.

Но дочь почему-то жила не с Ли?сой, а с ее родной сестрой, в огромным двухэтажном особняке с зеленой передней лужайкой, с четырьмя спальнями и собственным бассейном. У сестры Ли?сы, моей новой «тети», было двое маленьких детей, за которыми помогала присматривать Кристи.

Учеба в США начинается раньше, чем 1 сентября. Первый раз Ли?са отвезла меня и передала специальному человеку – school counselor[7 - Специальный человек, профессионал, который отвечает за помощь студентам. Может консультировать в выборе будущей профессии, помогать с проблемами в учебе и в решении личных проблем.], приятной чуткой женщине, которая помогла мне понять расписание, местоположение классов и лично познакомила с каждым учителем.

Начиная со второго дня обучения Кристи забирала меня утром на своей машине, и мы вместе ехали в школу. Мне очень хотелось с ней подружиться, но у меня никак не получалось ее разговорить. Зато с Глорией мы сразу сдружились. Она провела мне свою версию ориентации и морально подготовила к американской школе. Так как она сама была иностранной студенткой, она хорошо понимала

нюансы адаптации к новой среде. Каждый вечер мы вели с ней откровенные беседы о нашей жизни – я рассказывала ей про Россию, она мне про Колумбию. Я узнала, что у нее небогатая семья, и единственный источник дохода – небольшое кафе, которым управлял папа и где работали ее мама и братья.

Через несколько дней после приезда у меня был день рождения. Я, конечно, предвкушала праздник. Ведь каждый раз, когда к нам в гости приходили иностранцы, мама устраивала великолепные торжественные приемы.

На этот раз вместо традиционных домашних блинчиков мы позавтракали сухими хлопьями, а потом мы без церемоний сели в машину и поехали к сестре Ли?сы. Ли?са сказала: «Проведем день у бассейна».

К полудню Педро приготовил хот-доги, и до вечера мы питались ими, обильно поливая кетчупом. Я не могла понять: то ли они так плохо ко мне относятся, то ли у них нет традиции праздновать дни рождения.

Тогда я вспомнила слова куратора на ориентации:

– Не сравнивайте свои американские семьи с русскими. Они другие. Не меряйте их своей системой ценностей. Ко многому они относятся проще.

Я гнала от себя грустные мысли и пыталась сблизиться с семьей, разговаривая со взрослыми и играя с детьми.

Но все-таки один сюрприз меня ждал. Уже когда смеркалось, всех собрали на кухне и выключили свет. А Ли?са торжественно вынесла большой торт с шестнадцатью свечами. Они спели мне мою первую американскую Happy Birthday song, а потом сказали:

– Загадывай желание.

Я зажмурилась, чтобы сделать это, но вместо мыслей о желании передо мной возникли лица моих родных. Меня пронзило первое острое чувство одиночества эмигрантки, которым будут пропитаны мои следующие 20 лет жизни. Чувство, которое не пройдет, пока у меня не будет своей семьи.

За несколько дней, что я пробыла с новой семьей, я поняла, что там много недопонимания. Тетя часто кричала на своих детей, а Ли?са разговаривала с Кристи только командным голосом, тем же, что и со мной. Когда Ли?са с сестрой забрали торт, чтобы разложить его по бумажным тарелкам, она подошла ко мне, взяла за руку и тихо сказала: «Все будет хорошо, ты привыкнешь».

Следующие два месяца были самыми сложными месяцами в моей жизни. На меня навалилось сразу все. У меня были большие трудности в учебе. Языковой барьер не позволял мне усваивать и половину материала. А кроме учебы я больше ничего не делала. Домашние задания я делала до полуночи каждый вечер и все равно получала плохие оценки. А промежуточные тесты я просто заваливала. В России я изучала британский английский и недооценила, насколько калифорнийский американский звучит иначе. Ли?са и Педро оказались совершенно бесполезными в том, чтобы как-то помочь с языком. Когда я подходила к ним с просьбой объяснить мне непонятное слово или концепцию, просто отвечали: «Читай словарь или учебник».

Всей семьей мы собирались только на поздний ужин, который мы ели перед телевизором. Чаще всего за любимым шоу Ли?сы «Рози О’Доннел», в котором я ничего не понимала. На завтрак мы каждый день ели сухие хлопья с молоком, на обед я делала себе сэндвич, а на ужин чаще всего была паста с фрикадельками из полуфабрикатов или бургеры – мы разогревали замороженную котлету и клали ее между белых булок. Ничего из этого мне не было вкусно, но я ела, ела гораздо больше, чем привыкла есть, потому что мне казалось, что я все время голодная. За два месяца я поправилась на 10 кг, но это меня не сильно беспокоило. Меня беспокоила учеба. Я впервые в жизни почувствовала себя отсталой и глупой.

Спустя полтора месяца с тех пор, как я прилетела в США, мне разрешили позвонить маме. После недолгих рассказов о семье и быте я поделилась с ней своими трудностями в учебе и в том, что не уверена, что смогу сдать экзамены в конце семестра.

Мама дала мне крутой совет: «Подойти к каждому учителю и расскажи, что у тебя происходит, и попроси посоветовать, как тебе учиться». Спроси их: «Что мне нужно сделать, чтобы получить по вашему предмету пятерку?»

Я так и сделала. Я пошла ко всем учителям и постепенно выстроила с ними отношения. Кто-то готов был со мной дополнительно заниматься. Кто-то договорился, что другой ученик будет давать мне пользоваться их записями лекций. Кто-то просто сказал: «Дай себе время освоить язык. Если раньше ты училась хорошо, то все наладится, как только преодолеешь языковой барьер».

Постепенно, с каждой лекцией непонятных слов становилось все меньше. По мере того, как я заполняла пробелы в языке, заполнялись пробелы моей ассимиляции к американской жизни.

Я начинала привыкать к мысли, что реальность, в которой я оказалась, сильно отличается от моих представлений о жизни в США. Мы никуда не выбирались. По выходным каждый занимался своим делом.

Так прошли сентябрь и весь октябрь. За все это время я прожила только одно яркое событие: праздник Homecoming[8 - Праздник, когда в школу или в университет возвращаются выпускники, чтобы поддержать академический и спортивный дух. Часто совмещается с «spirit week», неделей различных культурных мероприятий. В заключение недели проходят главный футбольный матч года и танцевальный вечер, на котором выбирают короля и королеву школы.]. Это торжество случается раз в году в американских школах и университетах и буквально переводится как «возвращение домой» всех выпускников. По традиции Homecoming связан с футбольным матчем, перед которым выступают школьный оркестр и танцевальный ансамбль. Накануне выбирают короля и королеву школы – самых ярких и популярных парня и девушку, и в конце игры их награждают коронами. А на следующий день после футбольного матча все собираются на Homecoming dance – бал выпускников. В «Дон Луго» училось несколько иностранных студентов, и была традиция давать им звание «принцессы» или «принца» школы. Это, конечно, было незаслуженно, без какого-либо голосования, но все равно жутко приятно и волнительно. Нам предстояло предстать перед всей школой во время круга почета по футбольному полю в середине футбольной игры. Круг почета делался на кабриолетах.

Идея мне нравилась, но было два но:

1) У меня не было ни одного красивого платья.

2) Принцессу обязательно должен был сопровождать ее принц. Хоть какой-то представитель мужского пола.

Я решила избежать как минимум неловкости, а как максимум унижений и просто не пойти ни на игру, ни на бал. Нет парня, нет платья, нет проблем. Но когда я заявила Ли?се, что не хочу в этом участвовать, она попыталась переубедить меня.

– Ты обязана это прожить, ты запомнишь это событие на всю жизнь, – сказала Ли?са.

– Где же взять платье, – вздохнула я и деликатно поинтересовалась, не можем ли мы взять часть из $200, которые Ли?са должна была получить от организации на мою одежду.

– Вообще-то я планировала на эти деньги купить тебе зимнюю одежду, но ладно.

Помимо этих денег, программа перечисляла нам каждый месяц $100 на карманные расходы, но эти деньги Ли?са тоже забирала себе.

Мы пошли в магазин, где я перемерила 30 платьев. Многие были фантастически красивыми, но нам не по карману. Я расстроилась и снова начала отказываться от идеи бала, но тут увидела прекрасное маленькое черное платье с деликатным кружевом поверх синтетической ткани. Со скидкой оно стоило $34,99. Мы купили его, а потом подобрали к нему туфли за $19.

Оставался только один недостающий фактор: принц. Я не помню, как в моей жизни появился он. Но как по волшебству. Возможно, кто-то из учителей сжалился над иностранной студенткой из России, оставшейся без пары на бал, и уговорил парня по имени Эндрю сопровождать меня.

Корону мне торжественно вручили накануне и объяснили, как ее правильно надеть. С трепетом юной принцессы я предвкушала свой первый в жизни бал. За час до того, как Эндрю должен был за мной заехать, мы перебрались к сестре Ли?сы, чтобы проводить меня красиво. Эндрю появился на пороге ровно в назначенное время с подарком в виде небольшой розы, которую привязал ленточкой к моему запястью. Точно такая же розочка была приколота к карману его пиджака. Эндрю был очень милый, галантный и вел себя так, как будто

я действительно была принцесса, а не упитанное иностранное недоразумение, которому подарили корону из сострадания.

Это было мое первое настоящее свидание в Америке, и я страшно волновалась. Я едва знала Эндрю и настолько проигрывала американским девочкам нашей школы, что вообще не понимала, что он делает в этот вечер со мной. Когда мы вышли из дома, он деликатно провел меня к своей машине. Я увидела белоснежный седан. Прямо как в сказке, подумала я. Я чувствовала себя Золушкой, с которой случилось чудо: платье, принц, белая машина и красивый дом, из которого меня провожали на бал.

И так же как и в этой сказке, я знала, что в полночь все это превратится в тыкву. И мой ненастоящий принц, и красивый дом, и незаслуженная корона – все это окажется лишь временной иллюзией.

2.2

Санта-Моника

За время, что я прожила в семье Ли?сы, у меня было всего два повода для радости. Первый – тот самый бал.

Второй – ежемесячные встречи ассоциации иностранных студентов. Наша группа напоминала саммит «Большой семерки», на который внезапно нагрянули русские и потеснили всех остальных. Европейцев было по одному человеку от каждой страны, зато наших сразу трое. Миша и Саша жили всего в получасе от меня, в гораздо более богатом районе Сан-Бернардино. Они попали в Калифорнию без конкурса, по платной программе обмена. В Сан-Бернардино по утрам не пахло коровами, как в Чино. А по выходным ребята не сидели дома, как я, пока приемные родители зарабатывали на жизнь, а колесили со своими успешными американскими семьями по Калифорнии и Неваде. Всего за месяц они увидели Санта-Барбару, Сан-Франциско и даже Лас-Вегас. Они явно получали от Калифорнии намного больше, чем я.

Кураторы объявили радостную новость, что раз в месяц нас будут куда-нибудь вывозить, чтобы мы не чувствовали себя совсем одинокими в приемных семьях. Я дико обрадовалась, потому что до этого все мое познание американской жизни ограничивалось Чино.

В октябре кураторы организовали для нас пикник на пляже Санта-Моники. Ранним субботним утром за мной заехал куратор, а так как Сан-Бернардино был по дороге из Чино в Лос-Анджелес, мы заехали за Мишей с Сашей. К моменту, когда мы приехали на побережье, мы стали лучшими друзьями. Оказалось, что в Санта-Монике встречается сразу несколько chapters[9 - Округ или местное отделение организации.]. И всей большой компанией из двадцати человек мы принялись активно знакомиться. Тут-то я увидела высокого смуглого и кудрявого парня с огромными черными глазами и настолько выразительными чертами лица, что первое время я просто загадочно смотрела на него. В Иванове таких парней не производили. Его звали Леонардо, он был очень приятный и дружелюбный, мы разговорились. Он был родом из Италии и тоже, как и мои мажорные друзья, приехал в США на деньги своих родителей. Он жил в 3,5 часах езды от Лос-Анджелеса в городке Империал Вэлли, в семье, которую успел полюбить как свою. «Мне бы так», – опять позавидовала я. Лео было уже 18 лет. В школе Империал Вэлли он играл в футбол.

– А ты играешь в какой-нибудь школьной команде? – спросил меня Лео.

– Нет, я вообще не спортивная. Учусь-то еле-еле, – честно призналась я ему и сразу пожалела о том, что ляпнула.

Спустя час, как только мы съели все сэндвичи и выпили весь лимонад, кому-то в голову пришла идея покататься на роликовых коньках. Если вы никогда не были в районе Санта-Моники и никогда не стояли на роликах, я сейчас расскажу, какая это романтика. Кураторы арендовали нам громоздкие бутсы с колесами, в них мы плотно фиксировали свои ступни и лодыжки, пока они нудно объясняли, куда нам можно ездить, а куда нельзя:

– Внимание! Кататься только по специальной дорожке параллельно Оушен-авеню. Она идет вдоль берега. Только по специальной дорожке!

В роликовых коньках я чувствовала себя как в гипсовых сооружениях на колесах. От страха упасть я постоянно пыталась поймать равновесие и напоминала

лягушку, попавшую в центрифугу. Исполненные сострадания Миша и Саша по очереди держали меня за руку, пока я хоть как-то приспосабливалась к новому средству передвижения. Я училась отталкиваться и задействовать колеса, а не просто ходить, цокая по цементу. Все это тормозило парней, и спустя полчаса они потеряли терпение и рванули наперегонки вперед. Балласт остался ковылять позади. Я с облегчением выдохнула, собираясь вернуться к месту пикника и избавиться от коньков.

Но вдруг ко мне подъехал Лео, схватил за руку и покатил вперед, демонстрируя вполне сносное катание. Я покатилась за ним и чуть не сделала кувырок вперед. Мне было страшно, но мотивации освоить роликовые коньки прибавилось. Мне хотелось покататься с итальянцем. Довольно скоро я неплохо отталкивалась и могла катиться на коньках несколько метров без усилий. Постепенно мы догнали Сашу и Мишу.

Этим дерзким парням пришла гениальная идея: «А поехали посмотрим, что там». Они показали пальцем на улочки, перпендикулярные Оушен Драйву. Улочки уходили вверх в горку. «Смотрите, там холмы! Будет круто», – вопили ребята. Я вспомнила наставление кураторов: «Только по специальной дорожке!» Но увы, они были далеко. Лео радостно закивал, и я поняла, что шансов вразумить эту троицу у меня нет.

– Едем? – воскликнул Лео и посмотрел мне в глаза.

Я почувствовала в этом вызов и, явно думая не тем местом, которым меня учила мама, согласилась.

Дорожка быстро пошла вверх, и поначалу мы неуклюже толкали свои откормленные американской едой тела, стуча роликами по тротуару. Нам почему-то было очень весело. Мы то шли, то катились следующие несколько кварталов, пока не поднялись очень высоко. Когда оглянулись, увидели широкую полосу океана и горизонт. Тут до нас наконец-то дошло, что пора развернуться. Парни были в восторге от того, что нам предстоял спуск с горки вниз, а вот мне было невесело.

Если вы никогда не катались на роликах, то запомните важный лайфхак на будущее: в первую очередь научитесь тормозить. Это, кстати, относится и к ледовым конькам, велосипеду и горным лыжам. Да вообще, ко всему, что

позволяет быстро разгоняться. Но эта мудрость придет ко мне гораздо позже, спустя много лет, когда один друг нормально поставит меня на ролики. А пока… а пока я смотрела за тем, как ребята начали резво спускаться вниз, хватаясь за каждый столб, чтобы хоть как-то обуздать закон гравитации и нарастающую инерцию, тянущую нас с горы к океану.

На каждой поперечной улице, которую нам предстояло пересечь, была плотная очередь медленно движущихся машин и автобусов. А вот вдоль океана пробка была в четыре полосы, так что с моими навыками прокатиться с горочки без травм не представлялось возможным.

Ребята были уже на третьем перекрестке, когда у меня, после того, как я, колтыхаясь, скатилась вниз пару метров, вдруг включился инстинкт самосохранения. Я притормозила об столб и крепко обняла его.

– Лизаааа, спускайся! – кричали мне парни. – Не бои?сь, мы тебя поймаааааеем!

Мне ничего не оставалось, как ответить на их призыв. Уж очень хотелось произвести впечатление на Лео своим показным бесстрашием. Так что я расставила руки для равновесия, как акробат в цирке, и покатилась. Первым, кто должен был меня поймать и остановить, был Миша. Он стоял ближе всех.

– Я ловлю тебя! – прокричал он и протянул руки мне навстречу. Но как я стремительно вошла в Мишины объятия, так стремительно из них и вышла. Сила притяжения моего шестидесятикилограммового тельца несла меня к океану.

Следующей надеждой был Лео.

– Держи меня, – прокричала я ему, прошмыгивая между прохожими на стремительно растущей скорости. Я кричала тем, кто был впереди, и тем, кто оставался позади: «Сори, сори, сориииии», а про себя думала: «Что же я за идиотка!»

– Держу! – прокричал Лео и повторил тот же трюк, что и Миша. Он вытянул руки, но я, не изменяя себе, так же легко выскользнула из объятий Лео, как и из Мишиных.

«Интересно, как же он играет в футбол?» – пронеслось в моей голове.

Моей последней надеждой был Саша. Но Саша был помельче, чем Миша и Лео, и мне показалось, когда он увидел мою все еще набирающую скорость тушку, он испугался за свою жизнь. Я до сих пор не знаю, был ли это намеренный маневр или просто его внутренний голос скомандовал: «Спасайся», но мой последний шанс запнулся за парапет и вместо того, чтобы остановить меня и упасть вместе, упал один.

Я стремительно промчалась мимо него.

Вот тогда меня охватила реальная паника. Я катилась к набережной со скоростью будущей олимпийской чемпионки по горным лыжам. У меня промелькнула мысль о маме и какую трагедию она переживет от новости, что ее шестнадцатилетняя дочь разбилась в Санта-Монике, в попытках произвести впечатление на итальянского футболиста.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Сделано в Иванове.

2

Эмпайр-стейт-билдинг.

3

Ты можешь это.

4

В американском стиле.

5

Меня зовут Ли?са, я твоя приемная мама.

6

«Комната хозяина». Главная спальня дома.

7

Специальный человек, профессионал, который отвечает за помощь студентам. Может консультировать в выборе будущей профессии, помогать с проблемами в учебе и в решении личных проблем.

8

Праздник, когда в школу или в университет возвращаются выпускники, чтобы поддержать академический и спортивный дух. Часто совмещается с «spirit week», неделей различных культурных мероприятий. В заключение недели проходят главный футбольный матч года и танцевальный вечер, на котором выбирают короля и королеву школы.

9

Округ или местное отделение организации.

Купить: https://tellnovel.com/ru/babanova_elizaveta/k-dzenu-na-shpil-kah-kak-sozdat-novuyu-zhizn-i-delo-mechty-s-nulya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить